

*Синявина Л. В.,**доцент кафедри гуманітарних наук
Харьківського національного фармацевтичного університета**Долгая Е. А.,**доцент кафедри гуманітарних наук
Харьківського національного фармацевтичного університета*

МНОГОСЛОЙНОСТЬ ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ РОМАНА П. И. МЕЛЬНИКОВА-ПЕЧЕРСКОГО «В ЛЕСАХ»

Аннотация. В статье проанализирована повествовательная организация романа П.И. Мельникова-Печерского «В лесах». Отмечена важная «кодирующая» функция сказового дискурса романа. Различные типы повествования создают неоднородную структуру текста. Многослойность структуры отразилась на многообразии субъектов повествования, которые изменяются при смене типа повествования.

Ключевые слова: структура повествования, типы повествования, субъекты повествования, многослойность повествования.

Постановка проблемы. Особое место в русской литературе второй половины XIX века занимают произведения П.И. Мельникова. Писатель нашел свою тему и всегда имел собственное мнение, часто находясь в оппозиции к общественно-литературным тенденциям своего времени.

Историки литературы конца XIX и начала XX вв. А.М. Скабичевский, А.Н. Пыпин, С.П. Венгеров считали П.И. Мельникова колоритным и выдающимся писателем-этнографом.

А.А. Измайлов отмечал художественную объективность, эпичность, повествовательное бесстрашие, мастерство писателя в области «чистого романа», глубокое проникновение в психологию людей.

К творчеству П.И. Мельникова неоднократно обращалось советское литературоведение. Рассматривался вопрос о фольклоре как источнике художественных средств и сюжетов романа «В лесах» (Г.С. Виноградов, В.А. Володина, Д.А. Марков, В.Ф. Соколова). Была отмечена сказовая манера повествования (Г.С. Виноградов, В.Ф. Соколова, Л.М. Лотман, Л.А. Аннинский), появились исследования поэтики романа (С.В. Шешунова, И.В. Мотеюнайте, Л.А. Аннинский), однако повествовательная структура романа никогда не становилась предметом отдельного анализа.

Для того чтобы установить речевую структуру повествования, необходимо определить, каким образом излагаются события (только констатируются или оцениваются); кому принадлежит оценка (персонажу или повествователю); каков повествователь (объективен или субъективен).

Разные точки зрения закрепляются в определенных типах повествования, отличающихся различной степенью субъективности. Между субъектом речи и типом повествования существует двусторонняя связь. Не только субъект речи определяет речевое воплощение повествования, но и формы речи вызывают представление о субъекте, строят его образ. Одной из таких форм является сказ.

Однако повествование в романе «В лесах» весьма разнообразно, и сказ является важной, но не единственной его состав-

ляющей. Целью статьи является исследование многослойности повествовательной организации романа П.И. Мельникова «В лесах», проявляющейся важнейшие особенности его поэтики.

Изложение основного материала исследования. Многослойность повествования изоморфна сюжетно-композиционной организации романа П.И. Мельникова. В основе работы лежит понимание композиции как членения и взаимосвязи разнородных компонентов литературного произведения, в том числе и организации сюжетного материала в целом [1, с. 434].

Поскольку, на наш взгляд, формы повествования в романе «В лесах» не исчерпываются сказом, необходимо выявить и исследовать и все остальные их взаимодействия со сказом и между собой. При этом следует учитывать такие дефиниции, как «фольклорный сказитель», «сказитель» и «повествователь». Первым термином в работе будет обозначаться неперсонифицированный субъект повествования, ведущий рассказ в третьем лице, имитирующий «чужую» устную речь и репрезентирующий коллективную (народную) точку зрения, стилизуя свой рассказ под легенду, предание или миф. «Сказитель» – неперсонифицированный субъект повествования, имитирующий «чужую» устную речь, дающий отдельные характеристики персонажам, рассказывающий их биографии, но в речи уже не использующий стилизацию под легенду или миф. Кроме того, необходимо различать и такого субъекта повествования, как «повествователь», который не входит в мир произведения, но от лица которого ведется изложение. В речи повествователя нет установки на изустность, его голос включается в виде субъективных оценок или развернутых рассуждений.

В современной науке выделяются такие типы повествования, как нейтральное, субъективное и объективное авторское повествование, организующие текст в целом, и повествование, организованное «чужой» речью (монолог, диалог и др.) в форме прямой, косвенной, несобственно-прямой речи персонажа, несобственно-авторского повествования и сказа.

Нейтральным повествованием мы называем повествование, не содержащее ничьих субъективных оценок, в нем только констатируются факты [2, с. 27]; субъективным – повествование, в котором присутствует точка зрения рассказчика или повествователя; объективное повествование – это повествование, в котором господствуют точка зрения и слово героя [2, с. 51].

Вслед за Б.А. Успенским и другими исследователями мы используем термин «несобственно-прямая речь» для обозначения явления переходного между прямой речью и косвенной [3, с. 51]. Несобственно-прямая речь – это речь персонажа, которая передается в слове повествователя, при этом сохраняются все экспрессивно-стилистические особенности слова героя.

Благодаря несобственно-прямой речи наблюдается скольжение авторской позиции, когда говорящий в процессе речи незаметно меняет свою позицию.

Ведущую роль в повествовательной организации романа играют все-таки собственно повествование и диалог, а иллюзия сказовости всего произведения возникает за счет постепенности перехода от одной повествовательной формы к другой, что делает незаметным сам этот переход. Проследим данный процесс на начальных главах романа, как бы «кодирующих» восприятие дальнейшего повествования.

Глава I первой части открывается сказом о Верховом Заволжье и «граде Китеже», продолжающемся вплоть до пометы: «Так говорят за Волгой». Однако эта помета означает не конец сказа, а смену сказителя: место фольклорного сказителя постепенно занимает повествователь, прекрасно знающий Заволжье, равнодушный к нему, но не являющийся его обитателем, рассказывающий о нем не изнутри, а все-таки извне и из сегодняшнего дня.

Следующий за пометой абзац – продолжение высокого сказа: «Старая там Русь, исконная, кондовая. С той поры как зачиналась земля Русская, там чуждых насельников не бывало. Там Русь сыстари на чистоте стоит, – какова была при прадедах, такова хранится до наших дней. Добрая сторона, хоть и смотрит сердито на чужанина» [4, с. 8]. Но в последующих абзацах, рассказывающих о трудолюбии заволжанина, сказ начинает редуцироваться, в него – чем дальше, тем больше – вторгаются собственно повествовательные элементы. Происходит взаимопроникновение сказа и повествования. Например: «Леса заволжанина кормят. Ложки, плошки, чашки, блюда заволжанин точит да красит; гребни, донца, веретена и другой щепной товар работает, ведра, ушаты, кадки, лопаты, коробы, весла, лейки, ковши – все, что из лесу можно добыть, рук его не минует» [4, с. 8]. Здесь, как видим, сказовой остается только интонация, а «искусство перечня», которое, по словам Л.А. Аннинского, составляет «колдовство прозы» П.И. Мельникова [5, с. 197], в данном случае служит нарастанию субъективного повествовательного начала.

С некоторой долей условности можно говорить о том, что сказ на протяжении двух страниц печатного текста постепенно уступает место повествованию, характерному для романа, а субъективно-оценочные вторжения в него становятся проявлением активности не фольклорного сказителя, а повествователя. Так, восхищаясь умением заволжан делать весовые коромысла, повествователь восклицает: «А коромысла-то какие! Хоть в аптеку бери – сделаны верно» [4, с. 8]. Если здесь еще можно услышать отголоски сказовой интонации, то в следующем вторжении повествователя они исчезают полностью: «А чистота какая в заволжских домах!.. Славят немцев за чистоту, русского корят за грязь и неряшество. Побывать бы за Волгой тем славильщикам, не то бы сказали. Кто знаком только с нашими степными да черноземными деревнями, в голову тому не придет, как чисто, опрятно живут заволжане» [4, с. 9]. Проявлением субъективности повествователя в данном фрагменте являются восклицательные предложения («А чистота какая в заволжских домах!»), противительные конструкции («не то бы сказали», «в голову тому не придет»), прямая оценка («как чисто, опрятно живут заволжане»). Эта эмоциональная речь принадлежит повествователю, уже утратившему черты фольклорного сказителя, речь которого протяжна, неспешна и фольклорно стилизована.

Вытеснение сказа романтическим повествованием и нарастание в нем тенденций субъективности повествования приводят, на наш взгляд, к очень любопытному явлению. Рассказ о заволжских тысячниках сменяется таким фрагментом: «Один из самых крупных тысячников жил за Волгой в деревне Осиповке. Звали его Патапом Максимычем, прозывали Чапуриным... За Волгой и у крестьян родовые прозвания ведутся, и даже свои родословные есть, хотя ни в шестых, ни в других книгах они не записаны. Край старорусский, кондовый, коренной, там родословные прозвища встарь бывали и теперь в обиходе» [4, с. 10]. С одной стороны, здесь вводится в повествование один из центральных героев – Патап Максимыч Чапурин, но с другой – завершается историко-этнографический экскурс в бытие и быт Верхового Заволжья. «Край старорусский, кондовый, коренной» – эта обобщающая характеристика, возвращая к открывающему главу сказу, одновременно замыкает его.

Утвердившись в первой главе, нейтральное повествование наряду с субъективным становятся важными формами организации словесной ткани романа. Основной массив романного повествования представлен главами, разделенными на подглавки, где повествовательные и диалогические фрагменты перемежаются, как бы вытекают друг из друга или дополняя друг друга. Некоторые подглавки демонстрируют объективное повествование, но тогда они неизменно выступают в окружении диалогических сцен с более или менее развернутыми вторжениями-комментариями повествователя.

На протяжении всего романа меняется степень осведомленности повествователя. Чаще всего повествователь обладает целым рядом примет всезнающего повествователя: он не ограничивает своего видения, в любой момент может прервать действие, чтобы дать историческую или иного рода справку, это действие объясняющую. Так происходит, когда намерения Патапа Максимыча «построить столы» не в очередь, дабы показать «будущим сватушке да зятюку», «каков он человек за Волгой», прерываются справкой-объяснением: «Заволжские поместья принадлежат лицам знатным, что, живя в столице либо в чужих краях, никогда в наследственные леса и болота не заглядывают. <...> При отсутствии помещиков и управляющих так называемые тысячники пользовались большим значеньем <...> Такой тысячник, как Патап Максимыч, ... жил настоящим баринем. Его воля – закон, его ласки – милость, его гнев – беда великая...» [4, с. 47]. Всезнающий повествователь не указывает на источник своих знаний.

В IV главе второй части романа повествователь противопоставляет светлому и радостному чувству, охватившему всех участников крестного хода в Казани, завтрак в городской думе, «стоивший двух обедов», а главное – «умилительную и в высшей степени благонамеренную статью о минувших торжествах», появившуюся в губернских ведомостях. Субъективные оценки и высказывания повествователя, выдержанные в одном лексическом ключе, создают ему маску светского хроникера, близкого к изображаемой среде: «В заключение было упомянуто, что все жители города, без малейшего исключения, беспредельно преданы душой и сердцем его превосходительству господину губернатору и видят в нем не начальника, а отца... Статья понравилась, и все были уверены, что ее перепечатают в «Северной пчеле» [4, с. 372]. После такого горько-саркастического резюме повествователь возвращается к сюжету: «Но возвратимся к семейству Гаврилы Маркелыча. Там жизнь не краснее, зато цельнее и не в пример своеобразней» [4, с. 372]. Использование глагола

в форме первого лица множественного числа («возвратимся») форсирует конкретные действия и фиксирует возвращение к оборванной сюжетной линии. Данный прием субъективирует позицию всезнающего автора. При этом ироничный тон повествователя говорит о том, что его точка зрения не совпадает с точкой зрения персонажей.

Повествователь в романе многолик. Его позиция неустойчива – он знает то больше, то меньше персонажей. Он то открывает их внутренний мир, то отказывается от его изображения. Иногда повествователь указывает на ограниченность своих знаний. Например, в XVII главе первой части повествователь говорит о своем неведении того, что происходит за пределами нынешнего круга его рассказа. Когда Кольшкин доказал Патапу Максиму, что ветлужское золото – чистая афера, он замечает: «Икнулось ли на этот раз Стуколову, нет ли, зачесалась ли у него левая бровь, загорелось ли левое ухо – про то не ведаем. А подошла такая минута, что силантьевская гарь повернула затеи паломника вниз покрывшей» [4, с. 304–305]. В данном случае неведение, иронически обыгрывающее приметы «телепатической» чуткости, лишь подчеркивает игровую позицию всезнающего повествователя. Он ограничивает свое проникновение в сознание героя и подытоживает развитие событий. Использование глагола в форме первого лица множественного числа («не ведаем») снова конкретизирует повествователя. Он отказался от своих прав на всеведение и прямую оценку и описывает только то, что доступно его наблюдению.

Но в романе немало случаев, когда в комментарий повествователя вплетаются субъективные нотки, характеризующие тип мышления и говорения не его, а персонажа, с которым комментарий связан. Так происходит в комментарии о родах любви Марьи Гавриловны и Алексея в городе. Если первая любовь чиста и светла, то вторая любовь приходит, когда молодые годы женщина провела в напрасных ожиданиях. Это обширное рассуждение принадлежит активному повествователю и насыщено его эмоциями: «Если ж она полюбит в ту пору такого человека, что хоть на два либо на три года моложе ее, тогда любовь для нее не радость сердечная, вместо любви жгучий пламень по телу тогда разливается <...> И такую страсть, такую скорбь познала Марья Гавриловна, полюбив Алексея» [6, с. 20].

Таким образом, повествователь объясняет ту смутную тревогу, которую испытывает, но сама себе не может объяснить Марья Гавриловна. Однако в его объяснении отчетливо слышны интонации и строй речи героини: «Ум засыпает, думы туманом кроются, на очи ровно завеса опускается, вся жизнь замирает, остается живым одно обаянное пылом страстности сердце...» [6, с. 20]. И та «душевная скорбь», которую повествователь предрекает Марье Гавриловне, обусловлена не характером женщины, а типом любви, выпавшим ей на долю.

Наметившаяся в данном случае субъективизация повествовательного комментария усиливается, когда он незаметно перетекает в изображение внутреннего состояния героя.

Такого рода организация повествования характерна для всего романа П.И. Мельникова. Повествователь часто передает внутреннее состояние героев в форме несобственно-прямой речи, при этом сохраняется экспрессивно-эмоциональная окраска их голоса. И голос каждого героя выделяется из общего хора своей индивидуальностью. Такие фрагменты субъективируют романное повествование и придают ему своеобразное многоголосие и драматическую напряженность.

Осуществленный анализ позволил сделать следующие **выводы**.

Утвердившись в первой главе, повествование наряду со сказом становится ведущей формой организации словесной ткани романа. Постепенное наложение сказа на повествование и их взаимопроникновение создает иллюзию сказовости всего романа.

Повествование имеет более сложную многослойную структуру и ведется в третьем лице неперсонифицированным многоликим повествователем. Он может обладать целым рядом примет «всезнающего автора», прерывая действие, чтобы дать историческую или иного рода справку. Иногда повествователь, напротив, указывает на ограниченность своих знаний. Он судит о героях по внешним проявлениям: мимике, жестам и описывает лишь то, что видит любой наблюдатель. Временами повествователь надевает маску светского хроникера или повествователя-наблюдателя.

Структура повествования все время усложняется также за счет параллельного, перемежающегося и чередующегося воспроизведения речи повествователя и персонажей. При изображении внутреннего состояния героя происходит проникновение речи персонажа в речь повествователя в форме несобственно-прямой или косвенной речи, которая перетекает во внутренний монолог. Внутренний монолог субъективирует повествование и придает ему своеобразное романное многоголосие.

Литература:

1. Кожин В.В. Сюжет, фабула, композиция / В.В. Кожина // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. – М.: Наука, 1964. – С. 408–485.
2. Чудаков А.П. Поэтика Чехова / А.П. Чудаков. – М.: Наука, 1971. – 292 с.
3. Успенский Б.А. Поэтика композиции / Б.А. Успенский. – М.: Искусство, 1970. – 265 с.
4. Мельников П.И. Собр. соч. : в 8 т. / П.И. Мельников. – М.: Правда, 1976. – Т. 2 : В лесах. – Кн. 1. – 1976. – 415 с.
5. Аннинский Л.А. Три еретика (А.Ф. Писемский, П.И. Мельников, Н.С. Лесков) / Л.А. Аннинский. – М.: Книга, 1988. – 352 с.
6. Мельников П.И. Собр. соч. : в 8 т. / П.И. Мельников. – М.: Правда, 1976. – Т. 4 : В лесах. – Кн. 2. – 1976. – 372 с.

Сіявїна Л. В., Долга О. О. Багатошаровість оповідної структури роману П. І. Мельникова-Печерського «У лісах»

Анотація. У статті проаналізовано оповідну організацію роману П.І. Мельникова-Печерського «У лісах». Визначено важливу «кодуєчу» функцію розповідного дискурсу роману. Різні типи оповіді створюють неоднорідну структуру тексту. Багатошаровість структури позначилася й на різноманітті суб'єктів оповіді, які змінюються в разі зміни типу оповіді.

Ключові слова: структура роману, типи оповіді, суб'єкти оповіді, багатошаровість оповіді.

Sinyavina L., Dolgaya Ye. The multi-layered ness of narrative structure of the novel “In forests” by P. I. Melnikov-Pechersky

Summary. In the article the analysis of the narrative structure of the novel “In forests” by P.I. Melnikov-Pechersky has been carried out. The “coding” function of narrative discourses has been determined. The different types of narration create the heterogeneous narrative structure of the text. The multi-layered ness of narrative structure influenced the variety of subjects of narration, which change with the change of the type of narration.

Key words: narrative structure, type of narration, subjects of narration, multi-layered ness of narration.